

О. Е. Рубинчик

*Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна*

**«ИЗНАНКА КОВРА»:
Ю. К. ГЕРАСИМОВ О ДУХОВНОМ СОПРОТИВЛЕНИИ
В АБЕЗЬСКОМ ЛАГЕРЕ**

Устные воспоминания литературоведа и театроведа Юрия Герасимова (1923–2003) посвящены его пребыванию в лагере в поселке Абезь у Северного полярного круга в первой половине 1950-х годов. Это был лагерь для нетрудоспособных (инвалидов, стариков), где содержались в заключении многие деятели культуры: религиозный философ Лев Карсавин, искусствовед Николай Пунин, поэт-футурист и прозаик Сергей Спасский, еврейские поэты Самуил Галкин и Яков Штернберг, режиссер и философ Александр Гавронский, египтолог Михаил Коростовцев, искусствовед и поэт Виктор Василенко и др. Герасимов рассказывает о своем общении с Пуниным и Карсавиным, о путях сохранения человеческого достоинства в нечеловеческих условиях.

Фронтвик, студент третьего курса филологического факультета Ленинградского государственного университета, Герасимов был арестован в январе 1948 г., обвинен в антисоветской деятельности в составе студенческой группы и приговорен к 10 годам лагерей строгого режима.

В Абезь он попал после пяти лет работы в угольных шахтах Инты (Республика Коми). Несмотря на изнуренное состояние, Герасимов сохранил «страсть к обучению». В Абези он, как молодой человек, был в бригаде по обслуживанию лагеря, но вечером, после рабочего дня, старался учить языки. Древнегреческим языком он занимался с Карсавиным.

Герасимов, как и многие другие, делал альбомы, в которые записывал стихи – не только те, что помнил сам, но и те, которые ему читали наизусть его собеседники, в их числе были эмигранты, знавшие недоступную советским читателям эмигрантскую поэзию. При обысках эти альбомы отнимали и уничтожали, но записанные стихи оставались в памяти.

Однако главным способом духовного обогащения для Герасимова были беседы с людьми старшего поколения – представителями русского искусства и науки. В том дружеском кругу, в котором оказался Герасимов, была «конвекция идей» – и это помогало выстоять.

По словам Герасимова, духовное сопротивление – это не обязательно сознательное сопротивление тоталитарному режиму и всему, что его сопровождало. Некоторые лагерники, например, просто изучали по книжке шахматы – и это была умственная жизнь. «Религия, конечно, была тоже очень мощной сферой, которая поддерживала человека»: в лагере были представители разных религий, разных конфессий. И среди людей разных национальностей, иностранцев, были такие, «которые очень достойно вели себя в лагере».

Рубинчик Ольга Ефимовна – кандидат филологических наук, доцент Высшей школы печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (пер. Джамбула, 13, Санкт-Петербург, 191180, Россия, rubinchik_olga@mail.ru)

Ключевые слова: сталинские репрессии, Абезь, Абезьский лагерь, мемуары, Ю. К. Герасимов, Н. Н. Пунин, Л. П. Карсавин, В. М. Василенко, В. Шимкунас.

Юрий Константинович Герасимов (1923–2003)¹ – специалист по русской литературе конца XIX – начала XX века и по истории русского театра. В 1941 году Юрий Константинович закончил школу № 2 (располагавшуюся в здании филфака ЛГУ и ранее существовавшую под № 204) и как отличник был зачислен на филологический факультет университета. Всю войну провел в Заполярье, последние два года – в передовых частях. Осенью 1945 года восстановился в университете. В январе 1948 года был арестован, обвинен в антисоветской деятельности в составе студенческой группы и по решению ОСО приговорен к 10 годам лагерей строгого режима². Сначала работал на шахтах в Инте, 1952 (?) – 1954 годы провел в Абези, в лагере для нетрудоспособных (инвалидов, стариков), где содержались в заключении многие деятели культуры: религиозный философ Л. П. Карсавин, искусствовед Н. Н. Пунин, поэт-футурист и прозаик С. Д. Спасский, еврейские поэты С. З. Галкин и Я. М. Штернберг, режиссер и философ А. О. Гавронский, египтолог М. А. Коростовцев, искусствовед и поэт В. М. Василенко и др. Впоследствии работал электриком в мордовских лагерях. Был освобожден в 1956 году, позднее реабилитирован. В 1960 году окончил университет. Ю. К. Герасимов – кандидат филологических наук, доктор искусствоведения, с 1979 по 2003 год научный сотрудник Пушкинского Дома (Института русской литературы РАН), заведующий группой по изданию сочинений А. А. Блока³.

14 апреля 1995 года в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме состоялся вечер, посвященный Пунину⁴. В числе выступавших с воспоминаниями был и Ю. К. Герасимов. Его рассказ об их лагерном общении и – шире – о жизни

¹ Подробно о нем: [Юрий Константинович Герасимов..., 2003].

² О Герасимове в лагере см.: [Рубинчик, 2000].

³ За помощь в подготовке справки о Ю. К. Герасимове и за иное содействие благодарю вдову Юрия Константиновича Валентину Васильевну Крамскую и дочь Екатерину Юрьевну Герасимову.

⁴ Мемориальная часть музея расположена в квартире Пунина, где с середины 1920-х и до 1952 года жила А. Ахматова, до сентября 1938 года состоявшая с ним в неофициальном браке.

Пунин Николай Николаевич (1888–1953) – искусствовед. Окончил Санкт-Петербургский университет. С 1913 года работал в Русском музее, был одним из сотрудников отдела иконописи (см.: [Пунин, 1916]). Как художественный и литературный критик публиковал статьи в целом ряде изданий, в том числе в журнале «Аполлон». Занимался Византией, искусством эпохи Возрождения, японской гравюрой и др. С середины 1910-х годов его главной страстью в искусстве стал авангард (см., например: [Пунин, 1994]). После Февральской революции Пунин был одним из самых активных деятелей художественной жизни Петрограда. В 1919–1921 годах заведовал Петроградским отделом ИЗО Наркомпроса. 3 августа 1921 года был арестован в связи с «делом Петроградской боевой организации», месяц провел в тюрьме, после чего навсегда отошел от работы в правительственных органах. В 1920-е годы участвовал в работе Гинхука, Декоративного института, в 1923–1925 годах заведовал художественной частью Фарфорового завода, организовал в Русском музее отделение новейших течений (см.: [Пунин, 1927; 1928]). В 1930-е – 1940-е годы преподавал в университете и Академии художеств (см.: [Пунин, 1976]). В 1935 году около двух недель провел под арестом. В конце 1940-х он был вынужден уйти из Академии художеств и был уволен из университета, его обвиняли в формализме и космополитизме. В 1949 году Пунин был вновь арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы. Умер в Абезьском лагере.

Благодарю внучку Н. Н. Пунина А. Г. Каминскую и его правнука Н. Л. Зыкова за ознакомление с текстом статьи в рукописи и замечания.

в лагере был записан на магнитофон⁵. Здесь приводится в несколько сокращенном и подготовленном к печати виде.

* * *

...Лагерь напоминает мне изнанку ковра. Лицевая сторона была красива, импозантна, монументальна в сталинское время, потом она стала немножко выцветать и вытираться, а изнанка ковра – она сама показывает, из чего он сделан <...> Я в Абезь попал, в инвалидный лагерь, уже после <...> пяти лет работы в интинских шахтах. Я привез из Большого дома с собой малярию, которая не была вылечена по-настоящему, и вот малярия меня <...> изнурила, и на очередной медицинской комиссовке меня списали как человека, которого невозможно пока использовать на основных работах в шахте, и отправили с ближайшим этапом вместе со стариками, с инвалидами. Травматизм был большой очень в шахтах, техника безопасности слабая, кто-то безногий там <...> с перебитым позвоночником и т. д., и вот попал я в Абезь, это несколько лагерей и сангородок. Рядом протекает река Уса, которую из сангородка видно, – с голыми берегами, никакой растительности нет, холодная северная река, приток Печоры.

Первым делом всегда, как это делают заключенные, лагерники ищут земляков. Надо сказать, что это была непростая вещь, поскольку лагеря эти – специальные, они имели особый контингент, перемешанный по национальностям и иным некоторым <...> показателям. Из бывших военнопленных там было много немцев, так называемые военные преступники, была даже в одном лагере группа японцев из Квантунской армии, офицеры, человек 60, отдельной бригадой, были всевозможные международные авантюристы, вероятно, шпионы (некоторые даже и не скрывали) <...> Но не только военные – были штатские, были священники <...> То есть очень пестрый был контингент, и русских в среднем было... процентов не более двадцати. Да, не назвал еще – я не знаю, как их назвать: повстанцы, партизаны или бандиты, как их называли тогда, «Лесные братья» – это в Прибалтике, партизаны советского уже времени, послевоенные партизаны. И бандеровцы с Западной Украины тоже были... Довольно их было много. Были и с Кавказа, и из других мест обширного нашего Союза и сопредельных стран. И поэтому найти земляка, да еще питерца, было делом непростым.

Я [встретился в Абези] с одним москвичом, которого знал раньше по Инте, он ко мне подошел, он стал моим «путеводителем». Это <...> небезызвестный Виктор Луи. [Для тех,] кто интересовался международными делами и <...> скандальными историями: он обменивал Корвалана на Буковского <...> Виктор Луи привел меня первым делом к молодым людям, но это не были ленинградцы. От них уже я узнал, что находится в лагере Николай Николаевич Пунин.

Я набрался смелости и через несколько дней пришел в соседний отсек гигантского барака из бывшего гаража-эллинга, это гигантский барак, который вмещал около тысячи человек. Я <...> представился, сказал, что имел удовольствие слушать несколько раз его лекции в университете <...> что слава о нем как о блестящем лекторе <...> была, и не один я, ходили с других факультетов, я –

⁵ Запись и ее расшифровка хранятся в Музее Ахматовой; один из экземпляров расшифровки находится в домашнем архиве автора этого комментария. Расшифровка выполнена К. Н. Кочкиной.

Ю. К. Герасимовым, по его словам, были написаны два мемуарных «этюда» – о последних годах Пунина и Карсавина. При жизни он их не опубликовал, считая, что для людей, в лагере не побывавших, «это чуждая жизнь, экзотическая» – и он не будет понят, а впоследствии этюды не были найдены семьей.

Юрий Константинович
Герасимов

(Лагерная фотография
29 октября 1954 года)

с филологического <...> на него это не произвело никакого впечатления, и он отнесся ко мне <...> довольно сухо. <...> Мы с ним потом сыграли в шахматы, это еще ухудшило наши отношения, потому что я имел бестактность выиграть у Николая Николаевича. Он, вероятно, играл когда-то очень хорошо, но в это время... <...> Он сохранил полностью трезвость, ясность и четкость своего ума, потребность в умственной работе, потребность в общении, лекционную какую-то <...> профессорство – это в нем было, но уже заметны были моменты разрушения человеческой природы печальные, которые от тюремного в основном, конечно, пребывания, со времен следствия, вероятно, шли. Был сильный тик лица, оно подергивалось <...> он как бы подмигивал часто ⁶, вообще внешность <...> была такая, как у человека, пережившего какую-то огромную катастрофу, хотя державшегося: никакой паники у него не было и отчаяния не было ⁷ <...> Он следил за собой, был очень чисто одет – это было непросто в лагере <...> Хотя там всегда <...> давали все старое людям, у него все было как-то подштопано, воротничок меховой был пришит к бушлату, валенки с галошами были, это было очень практично, удобно, а большинство стариков ходило в таких чунях: раздирают колеса автомобильные,

⁶ По словам А. Г. Каминской, тик у Н. Н. Пунина начался в 1898 году, после смерти матери. Тогда же он начал сильно заикаться, но заикание еще в гимназические годы преодолел: выходил на балкон и произносил речь с камушками во рту, так что впоследствии никогда не заикался. А. Г. Каминская знает об этом по рассказам своей матери И. Н. Пуниной, таковы семейные легенды (сообщено автору комментария в телефонном разговоре 14 ноября 2015 года).

⁷ Ср. портрет Пунина, данный другим его сокамерником – А. А. Ваневым: «В лице этого человека совмещались римская полновесность черт и старушечья округлая мягкость. Он страдал нервным тиком: межбровье его время от времени подергивалось, как если бы он хотел согнать с лица муху» [Ванев, 1990, с. 17–18].

покрышки и <...> проволокой шьют большие лапти, и потом выдается <...> носок до колена для тепла или портянки <...> и в этой обуви немислимой, но все-таки довольно теплой шеголяли все – и министры из стран Прибалтики, и некоторые другие крупные [фигуры] <...>. А Николай Николаевич ходил с палочкой, и мы его с любовью называли <...> «версальский шеголь» <...> Старался держаться очень как-то прямо, не сдавшимся человеком.

<...> Через несколько дней я пришел в очередной раз. Была пурга. На работы (я, как молодой человек, был в рабочей бригаде, по обслуживанию) мы выходили из зоны, и по вечерам я мог ходить в другие бараки, хотя это было опасно, нарушение режима, но все-таки мы ходили. И я как-то зашел опять к Николаю Николаевичу. <...> Беглый разговор, может быть, за партией шахмат. Шла речь о литературе, о начале века, он хорошо ее знал, эту литературу, это литература его молодости и зрелости даже. Он знал всех символистов <...> футуристов, конечно, многое знал наизусть. И это было очень <...> познавательно, потому что книг-то было мало, и в ходу там были такие как бы альбомчики: стихи записывали. <...> Это не только мое было свойство, многие это делали, кто интересовался, – люди помоложе, у которых еще была страсть к обучению⁸. А я был арестован студентом третьего курса, <...> я входил, так сказать, в интерес филологического литературоведения – и вот на ходу оборван... У меня осталось желание учиться, что-то познавать, и при всяком удобном и не очень удобном случае я пытался изучать языки, <...> общался <...> Все, что можно было читать, – там очень была скудная библиотека – обычно на руках. И вот <...> самодельные альбомы, которые быстро погибали, потому что при ночных обысках их очень часто отнимали, ничего держать при себе было нельзя, но все равно мы записывали, потому что главное потом переходило в память, и масса стихотворений осталась в памяти. <...> Николай Николаевич тоже с удовольствием слушал, когда я ему читал что-нибудь, поскольку это шло от эмигрантов. Эмигрантские стихи были нам неизвестны, малоизвестны, в том числе стихотворения <...> Ходасевича <...> Николай Николаевич был арестован [в 1949 году] – значит, с багажом сорок девятого года <...> а эмигранты принесли с собой – там были интеллигенты, авторы монархических газет, <...> достаточно образованные, и они помнили кое-что. И вот этот общий фонд знания стихов и другие знания тоже как-то находили употребление, и общение было – конвекция, так сказать, идей была, конечно. И Николай Николаевич с интересом слушал, Ходасевича слушал, у меня было в альбоме, и я уже помнил наизусть многие стихотворения. И в связи с одним из стихотворений зашла речь о Бальмонте. Он говорит: «Я Бальмонта не люблю, но вот одно из стихотворений

⁸ Среди тех молодых, у которых «еще была страсть к обучению», нужно назвать будущего религиозного философа Анатолия Анатольевича Ванеева (1922–1985). С 1939 года он – студент химического факультета Ленинградского государственного университета, с 1941 – участник войны, в 1943 году демобилизован из-за ранения, работал учителем физики в школе, в 1945-м арестован за написание стихов политического характера и приговорен к 10-ти годам лишения свободы. Пребывал в лагерях Архангельской области, в 1950 году попал в республику Коми, в Абезьский инвалидный лагерь, где познакомился с Карсавиным и стал его преданным учеником. Спас многие карсавинские рукописи. Карсавин сказал о Ванееве: «Это человек, раненный истиной» [Ванеев, 1990, с. 51]. В 1952 году, после смерти Карсавина, Ванеев был отправлен в угольные шахты в Инту, в 1954 году освобожден, находился в ссылке. Впоследствии заочно учился на физическом факультете ЛГУ, работал учителем физики, стал автором методических и учебных пособий по этому предмету. В 1970-х годах вместе с о. Сергием Желудковым основал квартирный религиозно-философский кружок. Написал книгу «Два года в Абези. В память о Л. П. Карсавине», опубликованную уже после смерти автора.

мне нравится. У него есть <...> пронзительно русское стихотворение – “Безглазость”»).

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаённой печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

И так далее. «Вот это, – я говорю, – Николай Николаевич, я могу вам прочесть». Он удивился: советский студент, послевоенный, Бальмонта читает! Я прочел. Он: «Откуда вы это знаете?» Я говорю... Я учился в так называемой Бекетовской гимназии – это была школа при университете, там, где сейчас на филфаке помещение называется «школа» <...>, хотя многие не знают, почему <...>. До войны там была единая средняя трудовая школа, 204-я, и учителем литературы в старших классах был <...> Аркадий Андреевич Мухин⁹. Я рассказал Николаю Николаевичу, что Аркадий Андреевич у нас [преподавал]. Он был старый человек уже... По моим представлениям школьным, ему чуть не восемьдесят, но очень был крепкий высокий старик, с могучей рукой, хваткой. Когда он брал шалуна за плечо, тот просто... Это было страшно. Аркадий Андреевич уже ничего, видимо, не боялся, у него был авторитет огромный, поэтому он преподавал совершенно по-другому. И он нас заставлял учить и Брюсова, и Бальмонта, и Блока, и многих других поэтов, в старших только классах. И когда я рассказал замолчавшему Николаю Николаевичу о Мухине, он был просто поражен, поскольку он Мухина прекрасно знал¹⁰. Это царскосельский преподаватель, который еще принимал экзамен у Гумилева. Я был потрясен тем, что оказывается, у меня с Гумилевым был общий учитель литературы. Такое открытие меня, конечно, ошеломило. А Николай Николаевич был уверен, что Мухин или погиб в свое время, или был арестован, или просто мог умереть своей смертью уже много раз. И то, что перед войной Мухин был еще жив, это Николая Николаевича... Ну, как-то он даже себя <...> корил за это <...>: надо было его навестить <...> Сожаление, по крайней мере, у него было¹¹. Мухин и его жена умерли здесь во время блокады, на Васильевском острове. Никаких документов не осталось, ничего, я пытался искать.

Имя это знаменито еще и в другом отношении, и Николай Николаевич, конечно, это знал. Я тогда знал еще значительно меньше, чем сейчас знаю: жена Мухина, Екатерина Максимовна – это пассия, такая безнадежная пассия Иннокентия

⁹ Аркадий Андреевич Мухин (1867–1942) известен прежде всего как преподаватель Царскосельской Николаевской мужской гимназии, директором которой был Анненский. Целый блок материалов о Мухине, включающий и приведенные в данной публикации воспоминания Ю. К. Герасимова о нем, см. в изд.: [Иннокентий Анненский..., 2016, с. 94–121]. А также на сайте «Мир Иннокентия Анненского». URL: http://annensky.lib.ru/names/muhiny/muhiny_name.htm (дата обращения 12.10.2017).

¹⁰ Пунин, закончивший Николаевскую гимназию (выпуск 1907 года), был учеником Мухина. Об этом: [Пунин, 2016, с. 76].

¹¹ Ср. запись П. Н. Лукницкого, навещавшего Мухиных в 1925 году, чтобы расспросить их о Гумилеве и об Анненском: «Пришел к А[нне] А[ндреевне]. Пунин был дома <...> мы позвали его слушать интересующие его воспоминания Мухина. <...> Читал, а они слушали с большим интересом. <...> Пунин выразил желание пойти к Мухиным как-нибудь и расспросить их об Анненском, но АА отсоветовала ему, сказав, что мне они, пожалуй, лучше и больше расскажут» ([Лукницкий, 1991, с. 286]. Запись от 1 декабря 1925 года).

Анненского¹², которой посвящен «Кипарисовый ларец»¹³. Шкатулку с посвящением «Кипарисового ларца» я видел, когда Аркадий Андреевич <...> меня и моего друга Юру Иванова, одаренного художника, погибшего во время войны, пригласил к себе. Два раза всего мы у него были. Он показывал рукописи Иннокентия Анненского, и я видел жену, Екатерину Максимовну. И все это я рассказал Николаю Николаевичу. Он [слушал] с большим интересом и, повторю, с некоторым сожалением, что не знал до войны, что [Мухин] жив – ну, затерялись, конечно, судьбы, разные судьбы...

Но о Николае Николаевиче, о судьбе Николая Николаевича в лагере... <...> Во-первых, это был не производственный лагерь, и поэтому администрация лагеря, начальник майор Бондарь – у него не было плана, <...> он мог не быть жестоким, ему не нужно было выколачивать из нас кубатуру, уголек и т. д. И поэтому он был довольно благодушный, посмеивался над стариками, и такого свирепого ничего там не было. Кроме того, <...> родным Николая Николаевича не в чем себя упрекнуть. Он получал довольно много и регулярно посылки¹⁴. Посылки – это его, конечно, поддерживало <...>, потому что питание было очень плохое <...> Кто не получал посылки, было трудно просто выжить, начиналась цинга, пеллагра, выпадали зубы, и прочие прелести подобного рода. Николай Николаевич – благодаря тому, что у него был чай, к чаю всегда что-то было – еще имел и какие-то услуги, у него было нечто вроде денщика из эмигрантов, [денщик] помогал ему, приносил ему... Николай Николаевич почти не ходил в столовую, ему приносили в котелке, что нужно было, а часть он отдавал – скажем, баланду он отдавал. Он пил чай и съедал на второе кашу какую-нибудь <...> Так что в отношении быта он был довольно благоустроен, насколько это можно было в тех жутких все-таки условиях. <...> Большинство лежало вповалку на нарах без всякой перегородки <...> У Николая Николаевича было отделенное небольшим проходом, как бы индивидуальное местечко. За это он, конечно, кому-то платил – <...> салом, сигаретами, табачком, чем-нибудь, чайком, может быть. Пачкой чая иногда платили, но это, конечно, стоило того, чтобы жить отдельно, чтобы тебя ночью [сосед] не толкал коленом и т. д.

Но это не самое интересное <...> – лагерный быт, о нем довольно много написано. <...> Бросается в глаза прежде всего, <...> какие там несчастные: и поспать как следует негде, это верно, и климат там был жуткий – малый процент кислорода в воздухе, были морозы под 50 <градусов>, это довольно обычный мороз с туманом, очень тяжело дышалось, у кого были легочные <заболевания> (астматики), очень трудно переносить такой климат.

Я коснусь сейчас, может быть, самого главного, что с годами выходит в моем восприятии на первый план. Я бы назвал это так (извините, может быть, это громко звучит, но я себя могу исключить <...>): духовное сопротивление. <...> Человек мог и не осознавать, и не осмыслять этого, это не обязательно <...> созна-

¹² Считать Е. М. Мухину «безнадежной пассией» Анненского едва ли справедливо. Обоюдную глубину их отношений показывает характер его писем к ней и опубликованное А. И. Червяковым письмо самой Екатерины Максимовны – одной из «жен-мироносиц» поэта, как называл ее В. Кривич ([Бегичева, 2011, с. 152]; письмо Мухиной Анненскому см. в изд.: [Анненский, 2007, с. 362]).

¹³ Мухиной посвящено несколько произведений Анненского, сборник же «Кипарисовый ларец» такого посвящения не имеет. Возможно, посвящение было в том рукописном варианте «Кипарисового ларца», который, судя по свидетельству Ю. К. Герасимова, хранился у Мухиных и до нас не дошел, как и часть писем Анненского Екатерине Максимовне.

¹⁴ Эти посылки отправляли Пунину его дочь Ирина Николаевна и последняя спутница его жизни Марта Андреевна Голубева.

тельное было сопротивление тоталитарному режиму и всем прочим вещам, которые его сопровождали. <...> [Были и такие,] которые находились на самой низшей ступени выживания, <...> и к ним упрек не применим, конечно, – почему он не занимался духовным сопротивлением. <...> Конечно, были и <...> потерявшие почти обличье человека, жалкие личности, готовые на все, – и молодые такие были. Но <...> мне-то больше известно русскоязычное <...> некое содружество, конечно, неоформленное, <...> содружества полного никакого не было, но вот это содружество людей такое, которые ведут – пусть урывками, в свободное время – какую-то духовную жизнь. Она может быть связана с искусством, <...> даже с шахматами, я знал двух-трех человек, которые занимались, книжоночка нашлась, и штудировали ее, изучали шахматы, это тоже умственная жизнь, <...> борьба за человеческое достоинство. Религия, конечно, была тоже очень мощной сферой, которая держала, поддерживала человека, причем разные религии там были, представители разных конфессий, разных исповеданий <...> Я мало знаю жизнь других национальностей, но я видел, что какое-то общение было. Люди, которые находились в более трудных условиях, ничего не получая никогда, то есть иностранцы, среди них тоже были <...> [такие], которые очень достойно вели себя в лагере. И в этой связи <...> я сейчас еще два-три эпизода расскажу <...>

Одним из центров духовного общения, хотя и не очень часто мы туда ходили, был полустационар (полубольница), где находился Лев Платонович Карсавин¹⁵.

¹⁵ Карсавин Лев Платонович (1882–1952) – религиозный философ, историк-медиевист, доктор истории, доктор богословия. Изучал историю в Императорском Санкт-Петербургском университете. В 1910–1912 годах работал в архивах и библиотеках Франции и Италии. В 1913 году защитил магистерскую диссертацию «Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII веков», был назначен экстраординарным профессором Петербургского университета. В марте 1916 года защитил докторскую диссертацию «Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках преимущественно в Италии». В 1918 году был избран экстраординарным профессором Петроградского университета. В пореволюционные годы участвовал в заседаниях философских обществ, читал доклады и лекции, сотрудничал в редакции издательства «Наука и школа», много писал. Вел публицистическую деятельность, проповедовал в петроградских храмах. На свой лад принял революцию: «Все сущее, живое, разумное и умное предстает нам как теофания или Богоявление, все – даже самое мерзкое и ничтожное, ибо мерзко и ничтожно оно только для нашего неведения или недоведения, сотворено же “дobre зело”» [Карсавин, 1919, с. 9]. В 1922 году вышло первое систематическое изложение его метафизики всеединства в книге [Карсавин, 1922]. В 1922 году Карсавин был арестован, обвинен в контрреволюции и выслан из страны на «философском пароходе». В последующие годы он жил и активно работал в Берлине и Париже. Издал такие сочинения, как «Философия истории» [1923а], «Джордано Бруно» [1923б], «Диалоги» [1923в], «О началах: Опыт христианской метафизики» [1925], «Святые отцы и учителя Церкви» [1927]. В 1927 году переехал из Парижа в Литву, преподавал в Каунасском университете, в 1940 году перебрался вместе с университетом в Вильну. Среди его трудов того времени – «Поэма о смерти» [1932]. После включения Литвы в Советский Союз Карсавина отстранили от преподавания. Он временно стал директором Художественного музея. В 1949 году был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы за то, что «являлся одним из идеологов и руководителей белоэмигрантской организации “Евразия”, ставившей своей целью свержение Советской власти». Отбывал срок в Абезьском лагере. Находясь то в стационаре, то в полустационаре, Карсавин создал целый ряд религиозно-философских сочинений: облек в поэтическую форму свои идеи в «Венке сонетов» и «Терцинах», написал статьи «О Молитве Господней», «О бессмертии души», «Апогей человечества», «Об искусстве» и др. Карсавин говорил, что только в непосредственном общении с Богом человек из раба становится свободным. Умер в лагерном изоляторе от милиарного туберкулеза (см. [Веттер, 1990]; биографический очерк «Лев Платонович Карсавин»

Лев Платонович Карсавин во время следствия уже заболел миллиарным туберкулезом. Ему было лет под семьдесят тогда, и он лежал... Он был слаб, ему было трудно ходить, но голова у него работала совершенно безотказно, и он все время <...> работал. Он свою философскую систему заключал в поэмы, он восполнил по памяти свою «Поэму о смерти» – она сейчас опубликована, потом свою философскую систему он заковал в венок сонетов <...>. И вот когда собирались там люди, <...> у Льва Платоновича, да и, в общем-то, у Николая Николаевича... находясь с ними, говорить о пустяках было нельзя – это не то что запрещалось, это каждому было понятно: если есть что-нибудь такое, хотя бы и вопрос – правильно заданный вопрос уже говорит об уровне человека, а на неправильно поставленный вопрос вообще мудрецы не отвечают; ну нельзя было болтать о бытовых всяких вещах, что кто-то там подрался или еще что-то <...> – нет, этого ничего не было¹⁶.

<...> Николай Николаевич со Львом Платоновичем <...> были одно время вместе в больнице, в палате. Вот тогда, когда они впервые встретились, вероятно, произошло узнавание, Николай Николаевич, безусловно, Льва Платоновича знал, петербургского профессора. <...> В двадцать втором <...> году – этот знаменитый философский пароход, его выслали отсюда <...> [А до этого он] очень активно участвовал во всевозможных собраниях, спорах, диспутах, которые проходили тогда в революционном Питере, и почти наверняка Николай Николаевич <...> его там встречал. Но знал ли Лев Платонович Николая Николаевича по тем временам? <...> Может быть, и не знал. Но Лев Платонович <...> хорошо помнил книгу Николая Николаевича, которая написана была Пуниным <...> в соавторстве с Полетаевым, <...> называется «Против цивилизации»¹⁷. <...> Страшное название, но там немножко о другом речь идет, это <...> историософская книга и с геополитическим уклоном. И как-то при мне, я помню разговор... Николай Николаевич об этой книге не любил говорить, поскольку там были идеи... Ну, для двадцатых

на сайте «Великие мыслители». URL: <http://www.bibliotekar.ru/filosofia/90.htm> (дата обращения 13.10.2017) и др. источники).

¹⁶ Ср.: «Однажды вечером Карсавин сидел на скамейке возле Полустационара. Я пришел к нему и сел рядом, а вскоре мы увидели, что к нам приближается Пунин. Когда он подошел своей прямой и несколько неуверенной походкой, мы увидели, что у Пунина сильно распухший нос.

– Что с вами? – спросил Карсавин.

Пунин сказал, что его только что ударили по лицу. Карсавин от этих слов весь как-то подтянулся.

– Как это произошло? – спросил он.

Пунин получил когда-то из дому красивый клетчатый носовой платок. Он берег этот платок, пользовался им для протирания очков и обычно носил его в верхнем кармане своей вельветовой куртки. Вечером, выйдя из жилой секции в проходную комнату, Пунин снял с себя очки и вынул платок, собираясь протереть стекла. В той же комнате оказался вор, которому понравился красивый платок. Он сказал Пунину:

– Дай-ка мне сюда этот платок.

– С какой стати я должен отдать вам платок, который нужен мне для протирания очков? – сказал Пунин.

Тогда вор ударил его кулаком в лицо и вырвал платок. Удивившись такому обращению и позабыв надеть очки, Пунин, чтобы разглядеть вора, по причине своей близорукости приблизился лицом почти вплотную к его физиономии. Вор, увидев перед собой его лицо, выражавшее не страх, а любопытство, вдруг растерялся, сунул платок в руку Пунину и убежал из комнаты.

Пунин рассказывал об этом как о любопытном случае, но Карсавин после этого весь вечер оставался омраченным» [Ванеев, 1990, с. 78–79].

¹⁷ См. [Полетаев, Пунин, 1918].

годов это можно понять: такая еще революционная Германия, и там авторы <...> призывали к союзу с Германией <...> будущее мира может определить союз России с Германией¹⁸. Но, <...> когда уже появился Гитлер, <...> аберрация могла возникать, <...> как будто они призывали чуть ли не к союзу большевиков с фашистами. И такие упреки Пунин получал, как он однажды сказал, такие упреки были. Может быть, во время следствия <...>, я не знаю <...>. Он отошел от этих взглядов, <...> история, жизнь сама отошла, страна наша пошла иным путем – это <...> просто была мысль в сторону.

Много разговоров, конечно, <было>. В основном о чем была речь? О религии, о литературе, об искусстве, разумеется. И обо всем этом Николай Николаевич любил поговорить <...>. В этих спорах принимал участие и искусствовед Виктор Михайлович Василенко¹⁹, москвич, тоже покойный. Это была постоянная жертва Николая Николаевича, он несколько иронически относился к Виктору Михайловичу²⁰, хотя, конечно, понимал, что Виктор Михайлович был прекрасный человек и интересный поэт, который по-настоящему развернулся уже после освобождения. Около пяти книг вышло его поэтических, и Виктор Михайлович успел встретиться с Анной Андреевной, прочитать ей <...> цикл стихотворений, и она сказала ему: «Вы настоящий поэт». И подарила ему свою книжечку с надписью: «Поэту Василенко»²¹. И Виктор Михайлович (я с ним поддерживал отношения

¹⁸ Анализ взглядов авторов этой книги см. в статье: [Рыков, 2016].

¹⁹ Василенко Виктор Михайлович (1905–1991) – специалист по русскому народному искусству и искусству других народов СССР, автор ряда книг о народных промыслах, профессор кафедры искусствоведения МГУ; поэт, переводчик. Был арестован в 1947 году по делу Даниила Андреева, обвинен в подготовке покушения на Сталина. Его избивали, неоднократно имитировали расстрел, приговорили к 25 годам лагерей (см.: [Василенко, 1997]). Василенко находился в лагере в Инте, затем в Абези. Был освобожден в 1956 году.

²⁰ При этом, по свидетельству Ванеева, Пунин заботился о Василенко со дня прибытия того в Абезь: «...Я встретил Пунина, который сказал мне:

– Пойдемте, я познакомлю вас с московским искусствоведом. К нам его привезли из Инты. Он совсем в растрепанном состоянии души, и надо подумать, как ему помочь.

<...> Кое-что в помощь московскому искусствоведу Пунин уже предпринял. Он говорил с нарядчиком, который устроил нового подопечного в бригаду, работавшую внутри лагеря»; «Пунин получил из дому книгу. Это был второй том “Всеобщей истории искусств” М. В. Алпатова. <...> Будучи книголюбом, <...> [Василенко] питал зависть к Пунину, в обладании которого была книга Алпатова. Зная об этом, Пунин подарил ему эту книгу. Пунин вообще несколько опекал московского искусствоведа, однако подчас обращался с ним так, словно находил для себя удовольствие дразнить его. Отношения между ними были странным соединением взаимных нападок и взаимной же нужды друг в друге» [Ванеев, 1990, с. 56–58, 64]. На титульном листе книги Алпатова (изд. 1949 года) Пунин сделал надпись: «Милому / Виктору Михайловичу / Василенко / во искупление Абезьских обид / на светлую память / Н. Пунин / 1951. Май Абезь» (титульный лист воспроизведен в изд., подгот. Л. А. Зыковым: [Пунин, 2000, вклейка с иллюстрациями между с. 400–401].

²¹ Ср. лагерные эпизоды: «Московский искусствовед был тайный стихописец и, принеся однажды Пунину свои стихи, спросил:

– Как вы думаете обо мне? Я – поэт? Пунин, рассказав мне об этом, добавил:

– Вот увидите, он еще и к вам придет и спросит то же самое. Такой это человек.

– А что вы ему ответили? – спросил я.

В глазах Пунина, как отблеск на льду, мелькнуло выражение сарказма. Ясно, что он сказал нечто неприятное. Вот что он сказал московскому искусствоведу:

– Какой вы поэт? Если бы вы были поэтом, то не стали бы спрашивать.

Позднее московский искусствовед, действительно, показал мне стихи. Это был чистенько сделанный перевод стихов Эдгара По. Выждав, пока я прочту, московский искусствовед спросил:

– Как вы думаете, я – поэт?

до последних его дней, когда бывал в командировках в Москве) очень гордился <...>, он считал себя как бы рукоположенным в поэты самой Ахматовой. Был там египтолог Коростовцев, Михаил Александрович, ну и некоторые из эмигрантов.

Почему я оказался у Карсавина, тоже вхож <...> в этот, условно скажем, салон? <...> У меня там <в больнице> был приятель из другого лагеря <...>, он ослеп – Коля, из эмигрантов, из Шанхая, молодой русский парень, ему в лагере выжгло глаза, в литейке, иногда я его посещал. <...> Прошел, может быть, месяц, когда я случайно услышал, что здесь есть Карсавин, брат известной балерины. Вот и все, что впервые я узнал о Льве Платоновиче: брат известной балерины, он ученый, профессор и знает языки. И еще как-то я услышал, что он знает древнегреческий язык. А я начинал учить древнегреческий язык в университете, мне он как-то нравился, и думаю: вот хорошо бы немножко подучить... Пошел к Карсавину <...> Меня спасло то, что я мало о нем знал. Если бы я знал тогда и одну четверть того, что я знаю сейчас о Льве Платоновиче, я бы никогда не посмел <...> предложить философу мировой величины, чтобы он со мной занимался древнегреческим языком. А я пришел и сказал: «Вот, я слышал, вы вроде бы знаете древнегреческий язык». Он сказал: «Да, немножко знаю, так, пришлось...» – «А вы не могли бы со мной позаниматься?» – «А зачем вам?» <...> Я ему рассказал, что я студент, мне очень нравится, я бы хотел... Он говорит: «Ну что ж, приходите, приходите...» Я говорю (там отношения-то простые): «Я как-то вас <отблагодарю>... <...> табачку, может быть». А я знал, что он <...> курил все время, <...> потребность была. Он: «Ну, табачку принесете – хорошо, приносите». <...> И вот я встал и пошел было... Он говорит: «Куда же вы идете? Садитесь». И сразу же мне продиктовал по-гречески «Отче наш». <...> У меня фанера была – на фанере я карандашом написал. Он сразу взял, проверил меня, и я понял, что это был как бы экзамен: что я знаю, сколько ошибок я сделал в этом диктанте. Ну, видимо, его как-то устроило. <...> И так начались мои занятия. Они не были вполне периодическими, это зависело больше от <...> погоды, от того, как я уставал на работе, но я все-таки стал общаться... Я <...> наблюдал, как к нему приходили и другие: и литовские священники, и ксендзы, и иезуит Шимкунас²² там постоянно бывал и т. д.

Я посоветовал ему, чтобы он спросил Галкина [Ванеев, 1990, с. 65–66].

По свидетельству Василенко, в 1962 году Ахматова выразила желание познакомиться с ним, чтобы услышать его рассказы о лагерной жизни Пунина, в том же году он, по ее настойчивой просьбе, показал ей свои стихи. Прочитав их, она сказала ему: «Вы подлинный поэт», «Вы настоящий поэт»; «Сказала, что я неоакмеист». Позднее она подарила ему сборник «Подорожник» с надписью: «Виктору Василенко с верой в его стихи. Анна Ахматова. 4 февраля 1964 года», а также сделала надпись на принадлежавшей ему книге ее стихов: «Виктору Михайловичу Василенко. Мои московские дни. Анна Ахматова» ([Виктор Михайлович Василенко..., 1999, с. 314, 319–322]. В тексте содержится подробный рассказ Василенко о его общении с Ахматовой и о лагере).

²² Шимкунас Владас (1917–1979) – политзаключенный; врач-психоневролог. В 1930–1937 годах учился в сельскохозяйственных школах. В 1937–1940 годах служил в Литовской армии. В 1942 году экстерном закончил гимназию и поступил на медицинский факультет Вильнюсского университета. Работал там старшим лаборантом на кафедре анатомии. Был арестован в июле 1945 года и приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей и пяти годам ссылки. Отбывал срок в Севжелдорлаге, с 1950 года – в Особлаге № 1 (Минлаг), работал врачом в стационаре Абезьского лагеря для инвалидов и нетрудоспособных. Освобожден из лагеря в конце 1954 года. Ссылку отбывал в Абези, работая врачом в Центральной больнице лаготделения № 10 Минлага. В 1956 году уехал в Литву. Работал библиографом в Республиканской медицинской библиотеке, участвовал в подготовке ряда библиографических медицинских изданий. В 1964 году окончил Виль-

И Николай Николаевич <...> после того, как выписался из стационара, посетил Льва Платоновича, и происходили беседы такого рода, например. Я <...> [пересказываю] Льву Платоновичу разговор между Николаем Николаевичем Пуниным и Виктором Михайловичем Василенко (два искусствоведа). Николай Николаевич – это при мне было <...> – спрашивает: «Виктор Михайлович, ну вот вы искусствовед, – <...> как будто он не искусствовед, <...> с некоторым сожалением как бы. – Вот вы искусствовед. Скажите мне, <...> в чем отличие Сикстинской Мадонны от Владимирской Божьей Матери? В чем разница?» Виктор Михайлович что-то начинает говорить про композицию, про колорит и т. д. А <...> Николай Николаевич с таким сожалением говорит: «Вот ведь вы <...> не можете понять. <...> А разница состоит в том, что Сикстинская Мадонна смотрит на вас, видит вас, и вы с ней общаетесь. <...> А Владимирская Божья Мать вас не видит, но она видит вашу душу, и тут общение совершенно другого качества: она вас судит, она знает, кто вы такой. Вот это – коренное отличие <...>». Не знаю, это экспромт ли Николая Николаевича или это его убеждение. <...> Я передавал этот разговор Льву Платоновичу (он любил, когда я что-то приносил, <...> как некая пчелка, которая чужой мудрости <...> мед собирает <...>, поскольку своего-то я еще не мог ему предложить) – и в это время входит Николай Николаевич и Василенко. <...> И этот разговор был продолжен, но уже на другую тему, <...> смежную <...> – о «Джоконде» Леонардо да Винчи. Это был большой разговор, суть его была в том, как понимать эту [картину], <...> что содержит в себе образ Джоконды. <...> Лев Платонович говорил <...>, что все православные люди, глубоко православные: <...> священники или <...> такие, как Алексей Константинович Толстой, то есть люди, глубоко верующие <...> и в то же время образованные в религиозном плане, <...> понимали сразу, <...> что она вынашивает в чреве <...> антихриста. <...> Загадка ее для православного пронизательного взгляда понятна. И Лев Платонович, в общем-то, это не опровергал, а даже косвенно подтверждал тем, что, если вспомнить, чем любил заниматься Леонардо да Винчи... У нас такое гуманитарное представление: все гуманисты, все любят человека. А ведь он разрабатывал новые способы убийства человека <...> Конечно, это не были злодейские мысли – мысли были научные, то есть он испытывал природу человека, но тем не менее склонность, интерес к злу, как вообще у человека эпохи Возрождения, были очень большие. <...>

<...> Отношение Николая Николаевича к православию, к религии. Я очень осторожно об этом говорю: <...> вопрос внутреннего исповедания или возвращения к религии, которое, как мне кажется, началось у Николая Николаевича, – это процесс потаенный, не афишированный, и о нем говорить – чрезвычайно ответствен-

нюсский университет. Заведовал отделением в психоневрологической больнице (источники: справка «Шимкунас Владас, с<ын> Никодимоса» на сайте «Виртуальный музей ГУЛАГа», URL: www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=168514&language=1 (дата обращения 15.10.2017); справка «Šimkūnas, Vladas (1917–1979)» на сайте «Zarasų rajono savivaldybės viešoji biblioteka – Kraštiečiai», URL: http://www.krastotyra.zvb.lt/lt/kraстieciai_1/simkunas_vladas_1917_-_1979.html (дата обращения 15.10.2017) и др.). Работая в лагерном стационаре, Шимкунас всем, чем мог, помогал Карсавину. Он хранил работы Карсавина, написанные по-литовски, был с ним в момент его смерти (об этом: [Ванеев, 1990, с. 148, 180]). По инициативе Шимкунаса Ванеев написал эпитафию, которую тот в герметичном флаконе вложил во время вскрытия в тело Карсавина, чтобы в будущем можно было опознать место захоронения философа [Ванеев, 1990, с. 182–185]. Шимкунас сохранил сведения о номере на колышке, под которым Карсавин похоронен на лагерном кладбище. В 1956–1958 годах Шимкунас приезжал в Абезь, нашел и обустроил могилу Карсавина (а также генерала И. Юодишюса), посадил возле нее елочки. В результате в 1990 году могила была найдена [Шаронов, 1990].

но <...> Но поскольку кое-что я все-таки видел, это не мои домыслы, то я имею право, вероятно, об этом сказать.

<...> Он очень хорошо относился к тем священникам, которые были <в Абези>. Там было несколько священников из числа [непоминающих]: отец Иоанн Потапов, отец Феодот и отец Феодор. <...> Они были из числа так называемых непоминающих. Непоминающие – это те, которые отказались в конце литургии произносить [слова] о здравии существующей власти. Это так было положено по литургии православной всегда: за царя, а потом <...>, во время патриарха Сергия, было обязательно, чтобы кончалось здравием властям. А вот они – непоминающие, они отказались это делать, и их арестовывали и держали [в заключении]²³. Отца Потапова Иоанна... он уже <...> много лет сидел. И надо сказать, что страдальцы эти искушались все время. Достаточно было им признать, что они отказываются от своей позиции, как им возвращали их приход. Отцу Иоанну – дважды <...>. Не то чтобы он соглашался – его искушали свободой, семьей: он возвращался в свой приход, и думали, что его жена, дети <...> уговорят, не захочет возвращаться и начнет <...> [помянуть власти]. Они этого не делали и опять возвращались в лагерь. <...> Такие вот тихие герои, они вызывали огромное уважение у Николая Николаевича, и, конечно, не только у него.

Я неоднократно видел, как Николай Николаевич перед тем, как лечь спать, крестился. У него был крестик, ему сделали крестик там на хоздворе. Умельцы из зубных щеток из цветных делали крестик, <...> из говяжьих костей выпиливали крестики, <...> отливали алюминиевые, можно было заказать. Кто хотел, тот крестик носил, иногда, правда, его отнимали <...>

Я тогда не очень мог понять, поскольку это уже глубины теории кубизма и супрематизма, но я помню, что в разговорах у <Николая Николаевича> были такие, не очень категорические, попытки сближения <...> с иконой <...> Это продолжение как раз тех принципов, что в древнерусской иконе <...> – нереалистического, плоскостного [изображения] <...>. Особое пространство, наличие мистического пространства золотого, иконного и т. д. <...> Скажем, почему кубистическое изображение предмета как бы с разных сторон или в разрезах разных, несколько проекций, <...> втиснуто в одно, что это такое, что это означает? Ну, Николай Николаевич <...> несколько снисходительно объясняет: это ангельское видение

²³ Ср.: «Всего сходящихся вокруг о. Ивана было человек около десяти, из них два священника – о. Филарет (У Ванеева так! – О. Р.) и о. Феодот. Соединяющее их начало заключалось, как я понял, не столько в личных отношениях, сколько именно в церковном общении, благодаря которому они составляли общину и были как бы Малой церковью. По отношению к Московской Патриархии все они состояли в непримиримой оппозиции. Подлинной церковью в России для них была та, которую называли “непоминающей” и которая существовала подпольно. <...> О. Иван, священник дореволюционного склада, сделался приверженцем подпольной Церкви не по каким-либо особым взглядам, а силой естественного порядка вещей. Он служил под властью епископа, который в числе других заявил в 30-х годах о своем несогласии с возглавлявшим церковь митрополитом Сергием (будущим Патриархом). Священство, верное своим епископам, прекратило упоминание имени Сергия в ектинях. Отсюда название – непоминающие. Существа вероисповедания, т. е. таинства, догматики и чина богослужения, этот акт не затронул. Однако оппозиция к официальной Церкви необходимым образом соединялась с оппозицией к власти, что сделало Церковь непоминающих гонимой и оказавшейся на пути к распаду на отдельные подпольные общины, тяготеющие к сектантству» [Ванеев, 1990, с. 123]. Когда пошедший на компромиссы с большевистским режимом митрополит (с 1943 года Патриарх) Сергий в 1944 году умер, Патриархом был избран митрополит Алексей, и часть оставшихся к этому времени в живых непоминающих воссоединилась со священноначалием Русской православной церкви. Священники же, о которых рассказывают Ю. К. Герасимов и А. А. Ванеев, по-видимому, не принадлежали к числу воссоединившихся.

предмета. Ангел видит предмет сразу отовсюду и даже изнутри. Это попытка овладеть ангельским видением, почувствовать его и как-то выразить. Конечно, <...> ангел видит по-другому, более совершенно, идеально видит, но это попытка приблизиться к ангельскому совершенству – то, что является вообще целью искусства. Это возрастание человека над самим собой, это тот духовный прогресс человека, к которому настоящее искусство призывает и которому способствует.

<...> Меня пригласили два года тому назад быть консультантом на документальном фильме о Льве Платоновиче Карсавине. Сценарий написал наш известный философ Сергей Сергеевич Хоружий, биограф Карсавина. Я согласился, разумеется, участвовать в этом, и нам удалось <...> найти лагерь – <...> там все уничтожено, абсолютно разобрано, и местные краеведы неправильно показывали, где это было. Но местный краевед нашел могилу Пунина, и вот я тут [на фотографии] <...> рядом с могилой Николая Николаевича, которого я и хоронил, заменив одного из [могильщиков] в бригаде похоронной. Мы вместе с Василенко хоронили Пунина, заменив двух литовцев в похоронной бригаде, заменив могильщиков. Мы с Василенко <...> предали его тело земле.

Список литературы

- Анненский И. Ф.* Письма: В 2 т. СПб.: ИД «Галина скрипит»; Изд-во им. Н. И. Новикова, 2007. Т. 1. 528 с.
- Бегичева О. С.* Биографическая заметка о Ин. Фед. Анненском и Н. П. Бегичевой // *Иннокентий Анненский глазами современников*. СПб.: Росток, 2011. С. 151–153.
- Ванеев А. А.* Два года в Абези. В память о Л. П. Карсавине. Брюссель: Жизнь с Богом; Paris: La Presse Libre, 1990. 414 с.
- Василенко В. М.* Далекие ночи [Воспоминания о Д. Андрееве] // *Андреев Д.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1997. Т. 3, кн. 2. С. 385–396.
- Веттер Г. А.* Л. В. Карсавин. Биобиблиографический очерк // *Ванеев А. А.* Два года в Абези. В память о Л. П. Карсавине. Брюссель: Жизнь с Богом, Paris: La Presse Libre, 1990. С. 9*–19*.
- Виктор Михайлович Василенко. Ведет беседу М. В. Радзишевская // *Анна Ахматова в записях Дувакина*. М., 1999. С. 306–332.
- Иннокентий Анненский (1855–1909): жизнь – творчество – эпоха. М.: Азбуковник, 2016. 400 с.
- Карсавин Л. П.* Джордано Бруно. Берлин: Обелиск, 1923б. 275 с.
- Карсавин Л. П.* Диалоги. Берлин: Обелиск, 1923в. 112 с.
- Карсавин Л. П.* О началах: Опыт христианской метафизики. Берлин: Обелиск, 1925. 143 с.
- Карсавин Л. П.* Поэма о смерти. Kaunas, 1932. 80 с.
- Карсавин Л. П.* Святые отцы и учителя Церкви. Paris: YMCA-PRESS, 1927. 175 с.
- Карсавин Л. П.* Философия истории. Берлин: Обелиск, 1923а. 358 с.
- Карсавин Л. П.* «Noctes petropolitanae». Пг.: 5-я гос. тип., 1922. 202 с.
- Карсавин Л. П.* Saligia, или Весьма краткое и душеполезное размышление о Боге, мире, человеке, зле и семи смертных грехах. Пг.: Наука и школа, 1919. 75 с.
- Лукницкий П. Н.* Асумиана. Встречи с Анной Ахматовой: В 2 т. Paris: YMCA-PRESS, 1991. Т. 1. 350 с.
- Полетаев Е., Пунин Н.* Против цивилизации / Предисл. А. В. Луначарского. Пб.: 4-я гос. тип., 1918. 138 с.

Рубинчик О. Е. «Изнанка ковра»: Ю. К. Герасимов о духовном сопротивлении

Пунин Н. Андрей Рублев: Очерк. Пг.: Аполлон, 1916. 24 с.

Пунин Н. Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма. М., 2000. 527 с.

Пунин Н. Н. Новейшие течения в русском искусстве: Л.: Гос. Русский музей, 1927. Вып. 1. 14 с.; 1928. Вып. 2. 16 с.

Пунин Н. Н. О Татлине. М.: Литературно-художественное агентство «РА», 1994. 125 с.

Пунин Н. Н. Русское и советское искусство. М.: Сов. художник, 1976. 262 с.

Пунин Н. Н. Фрагмент из воспоминаний, написанных в середине сороковых годов, по дневникам 1904–1906 гг. / Публ. А. Г. Каминской, Н. Л. Зыкова, П. Л. Зыкова // Иннокентий Анненский (1855–1909): жизнь – творчество – эпоха. М.: Азбуковник, 2016. С. 69–86.

Рубинчик О. «Реквием» по жертвам репрессий // Русская мысль. 2000. № 4344, 7–13 дек. С. 9.

Рыков А. Между консервативной революцией и большевизмом: тотальная эстетическая мобилизация Николая Пунина // Новое литературное обозрение. 2016. № 4 (140). С. 240–258.

Шаронов В. «Он всегда был русским» // Русская мысль (Париж). 1990. № 3828, 18 мая. Специальное приложение.

Юрий Константинович Герасимов (9 сентября 1923 – 11 июня 2003) // Русская литература. 2003. № 3. С. 239.

О. Е. Rubinchik

Saint Petersburg State University of Industrial Technology and Design

«THE REVERSE SIDE OF THE CARPET»:

Yu. K. GERASIMOV ABOUT SPIRITUAL RESISTANCE IN THE ABEZ CAMP

Oral memoirs of literary critic and theater expert Yuri Gerasimov (1923–2003) are devoted to his life in the camp in the village of Abez near the Arctic Circle in the first half of the 1950s. It was a camp for the disabled (disabled, old people), where many cultural figures were imprisoned: religious philosopher Lev Karsavin, art critic Nikolai Punin, poet-futurist and novelist Sergei Spassky, Jewish poets Samuel Galkin and Yakov Shternberg, director and philosopher Alexander Gavronsky, Egyptologist Mikhail Korostovtsev, art critic and poet Viktor Vasilenko, and others. Gerasimov talks about his communication with Punin and Karsavin, about the ways of preserving human dignity in inhuman conditions.

War veteran, third-year student of Leningrad State University philological faculty, Gerasimov was arrested in January 1948, accused of anti-Soviet activity in the student group and sentenced to ten years of high-security camps.

He arrived in Abez after five years of works in the coal mines of Inta (Komi Republic). Despite his exhaustion, Gerasimov maintained a «passion for learning». In Abez as a young man he was put in the brigade for camp services, but after work in the evening he tried to learn languages. He studied Ancient Greek with Karsavin.

Gerasimov, like many others, had albums, where he wrote verses – not just those he could remember himself, but also those which his interlocutors read to him, there were immigrants among them who knew emigrant poetry forbidden for Soviet readers. During the searches, these albums were taken away and destroyed, but the poems remained in memory.

The main way of intellectual development for Gerasimov was conversations with older people – representatives of Russian art and science. In that friends' circle, where Gerasimov found himself, was the «convection of ideas» – and it helped them to survive.

According to Gerasimov, the spiritual resistance was not necessarily conscious resistance to the totalitarianism and everything that accompanied him. Some for example just studied the book of chess – and it was an intellectual life. «Religion, of course, was also a very powerful field, which

supported people» – there were representatives of different religions, different faiths in the camp. And among people of different nationalities there were ones «who behaved properly in the camp».

Keywords: Stalinist repression, Abez, Abezsky camp, memoirs, Yu. K. Gerasimov, N. N. Punin, L. P. Karsavin, V. M. Vasilenko, V. Shimkunus.

References

- Annenskij I. F. *Pis'ma* [Letters]: in 2 vols. St. Petersburg, ID «Galina skripsit»; Izd-vo im. N. I. Novikova, 2007, vol. I. 528 p.
- Begicheva O. S. Биографическая заметка о In. Fed. Annenskom i N. P. Begichevoj [Biographical note on In. Fed. Annenskij and N. P. Begicheva]. *Innokentij Annenskij glazami sovremennikov*. St. Petersburg, Rostok, 2011, pp. 151–153.
- Innokentij Annenskij (1855–1909): zhizn' – tvorcestvo – jepoha* [Innokentij Annenskij (1855–1909): Life – creativity – era]. Moscow, Azbukovnik, 2016, 400 p.
- Karsavin L. P. *Dialogi* [Dialogues]. Berlin, Obelisk, 1923, 112 p.
- Karsavin L. P. *Filosofija istorii* [The philosophy of history]. Berlin, Obelisk, 1923, 358 p.
- Karsavin L. P. *Giordano Bruno* [Giordano Bruno]. Berlin, Obelisk, 1923, 275 p.
- Karsavin L. P. *O nachalah: Opyt hristianskoj metafiziki* [On the basis of. The experience of Christian metaphysics]. Berlin, Obelisk, 1925, 143 p.
- Karsavin L. P. *Pojema o smerti* [Poem about death]. Kaunas, 1932, 80 p.
- Karsavin L. P. *Saligia ili ves'ma kratkoe i dushepoleznoe razmyshlenie o Boge, mire, cheloveke, zle i semi smertnyh grehah* [Saligia or very brief and edifying meditation on God, world, man, evil and the seven deadly sins]. Petrograd, Nauka i shkola, 1919, 75 p.
- Karsavin L. P. *Svjatyje otcy i uchiteli Cerkvi* [The Holy fathers and doctors of the Church]. Paris, YMCA-PRESS, 1927, 175 p.
- Karsavin L. P. *The philosophy of history* [The philosophy of history]. Petrograd, 5-ja gos. tip., 1922, 202 p.
- Luknickij P. N. *Acumiana. Vstrechi s Annoj Akhmatovoj* [Acumiana. Meeting with Anna Akhmatova]: in 2 vols. Vol. 1. Paris, YMCA-PRESS, 1991, 350 p.
- Poletaev E., Punin N. *Protiv civilizacii* [Against civilization]. Predisl. A. V. Lunacharskogo. Petersburg, 4-ja gos. tip., 1918, 138 p.
- Punin N. *Andrej Rublev* [Andrej Rublev]: ocherk. Petrograd, Apollon, 1916, 24 p.
- Punin N. N. Fragment iz vospominanij, napisannyh v seredine sorokovyh godov, po dnevnikam 1904–1906 gg. [Fragment from the memoirs, written in the mid-forties, blogs 1904–1906]. Publ. A. G. Kaminskij, N. L. Zykova i P. L. Zykova. *Innokentij Annenskij (1855–1909): zhizn' – tvorcestvo – jepoha*. Moscow, Azbukovnik, 2016, pp. 69–86.
- Punin N. N. *Mir svetel ljubov'ju. Dnevnik. Pis'ma* [The world is bright with love. Diaries. Letters]. Moscow, 2000, 527 p.
- Punin N. N. *Novejshie techenija v russkom iskusstve* [The latest trends in Russian art]. Leningrad, Gosud. Russkij muzej, 1927, iss. 1, 14 p.; 1928, iss. 2, 16 p.
- Punin N. N. *O Tatline* [About Tatlin]. Moscow, Literaturno-hudozhestvennoe agentstvo «RA», 1994, 125 p.
- Punin N. N. *Russkoe i sovetskoe iskusstvo* [Russian and Soviet art]. Moscow, Sovetskij hudozhnik, 1976, 262 p.
- Rubinchik O. «Rekvjem» po zhertvam repressij [«Requiem» after victim of repression]. *Russkaja mysl'*. No. 4344. 7–13 dekabnja 2000, p. 9.
- Rykov A. Mezhdju konservativnoj revoluciej i bol'shevizmom: Total'naja jesteticheskaja mobilizacija Nikolaja Punina [Between the conservative revolution and Bolshevism: Total aesthetic mobilization of Nikolai Punin]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2016, no. 4 (140), pp. 240–258.
- Sharonov V. «On vsegda byl russkim» [«It has always been Russian»]. *Russkaja mysl'*. No. 3828. Paris, 18 maja 1990. Special'noe prilozhenie.
- Vaneev A. A. *Dva goda v Abezi. V pamjat' o L. P. Karsavine* [Two years in Abez. In memory of L. P. Karsavin]. Bruxelles: Zhizn' s Bogom, Paris, La Presse Libre, 1990, 414 p.
- Vasilenko V. M. Dalekie nochi [Distant nights] [Vospominanija o D. Andreeve]. Andreev D. *Sobr. soch.*: in 3 vols. Vol. 3, pt. 2. Moscow, 1997, pp. 385–396.

Рубинчик О. Е. «Изнанка ковра»: Ю. К. Герасимов о духовном сопротивлении

Vetter G. A. L. V. Karsavin. Biobibliograficheskiĭ ocherk [Bibliographic essay]. Vaneev A. A. *Dva goda v Abezi. V pamjat' o L. P. Karsavine*. Bruxelles: Zhizn' s Bogom, Paris, La Presse Libre, 1990, pp. 9* – 19*.

Viktor Mihajlovich Vasilenko. Vedet besedu M. V. Radzisevskaja [Viktor Mihajlovich Vasilenko. Carrying on a conversation M. V. Radzisevskaja]. *Anna Akhmatova v zapisjah Duva-kina*. Moscow, 1999, pp. 306–332.

Yuri Konstantinovich Gerasimov (9 sentjabrja 1923 – 11 ijunja 2003) [Yuri Konstantinovich Gerasimov (9 September 1923 – 11 June 2003)]. *Russkaja literatura*, 2003, no. 3, p. 239.

Rubinčik Olga E. – Candidate of Philology, Associate Professor of Graduate School of Print and Media Saint Petersburg State University of Industrial Technology and Design (13 Dzhambul Lane, Saint Petersburg, 191180, Russian Federation, rubinchik_olga@mail.ru)